

Шамрай В.В.

ЗАПАД И МИР: ЛОЖНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ.

Господствующие формы современной жизни кажутся сознанию чем-то самоочевидным и почти безусловным. Но рассмотрение явлений в исторической ретроспективе обнаруживает, с какой удивительной быстротой и легкостью человечество свыкается с новыми параметрами своего бытия, начиная безмятежно полагать их самоочевидными. Это относится и к самому феномену всепланетного человечества. Трудно представить, что немногим более полутора столетия назад существовал на планете целый континент, еще не открытый людьми – Антарктида. Столь же трудно представить, что всепланетное человечество, общая мировая жизнь и всемирная история не нечто само собой разумеющееся, а исторически выработанные и совсем молодые формы человеческого бытия. Еще важнее обратить внимание не на срок их существования, а на культурный источник их происхождения. Это тем более существенно, поскольку современный мир – мир политический, культурный и экономический – куда как далек от гармонии, пребывая в постоянном состязании вызовов и амбиций различных мировых сил. Не будет преувеличением сказать, что после краха СССР и мировой системы социализма, эпицентром и точкой сопряжения многообразных мировых интересов и стремлений стал западный мир, олицетворяемый в первую очередь единственной сверхдержавой – США. Глобальная и первичная дифференциация планеты пролегает по линии – Запад – весь остальной мир (при, разумеется, глубочайшей внутренней неоднородности последнего).

В связи с этим возникает вопрос о характере отношений, в каких находятся друг с другом "запад" и "весь остальной мир" с характерными для последнего началами общественного самоопределения. Попробуем прояснить его, отталкиваясь от той критики западной цивилизации, которую дает английский историк А. Тойнби.

Ставя проблему "запад и мир" Тойнби совершенно не касается тех условий, которые делают возможным противопоставление себя миру или сопоставление себя с ним. Между тем, лишь ответ на этот вопрос позволяет с достаточной основательностью рассудить: имеет ли место в судьбе данной цивилизации указанное противоположение, или же оно вполне надумано. Не анализируя всех сторон проблемы, коснемся лишь одного критерия. Очевидно, что какой-либо конфликт с миром в целом возникает, если мир каким-то образом ущемлен. Чтобы миру *противостоять*, надо прежде всего *вне мира* оказаться. Оказывается вне мира тот, кто не признает мира, полагая миром самого себя. Иными словами: та цивилизация, которая сама для себя является самодостаточным и целостным миром, тем самым ущемляет мир (как бы отвергая его "мировость") и противопоставляется ему. Кто не хочет в мир вписываться, тот миру противостоит и бросает ему вызов.

Западу, без сомнения, это свойственно. Однако в не меньшей степени это свойственно *вообще всем человечествам*, или историческим *эйкуменам*. Некоторые цивилизации приобретают такой масштаб и мощь, что создают собственную эйкумену с соответствующим цивилизационным человечеством. Можно спорить, сколько и каких эйкумен знала история, но несомненно, что западный мир принадлежит к их числу. Так же несомненно, что в этот ряд входят сегодня исламский мир, Китай, Индия, Латинская Америка, негроидная Африка. Уникальность исторического места Запада состоит вовсе не в том, что Запад бросает вызов миру и делает его объектом агрессии, как то полагает Тойнби. Любое из человечеств противостоит миру, поскольку само является миром. В этом Запад ничем не отличается, скажем, от исламского мира или Китая. Так что Тойнби вполне можно упрекнуть в столь нелюбимом им европоцентризме. То, что он ставит "минус" там, где европейские мыслители обычно ставят "плюс" отнюдь не меняет сути восприятия исторического процесса.

Действительно уникальная роль Запада заключается в ином. Запад совершил самое парадоксальное деяние в истории: он *превратил мир в мир*; или, другими словами, придал истории *всемирный характер*, впервые породив феномен *всепланетного человечества*. Если Запад и бросил вызов миру, то прежде всего тем, что его создал. Именно благодаря воздействию западной цивилизации обособленные и разнонаправленные истории народов и цивилизаций планеты оказались сведены воедино, узнали друг о друге и приобрели общее пространство для контакта и встречи. Благодаря Западу мир узнал о самом себе и даже, со временем, получил возможность себя обозреть. В этом эпохальном событии действительно заключен великий вызов: прежде всего, любой экуменической самодостаточности, в том числе, следует подчеркнуть, и самодостаточности западной эйкумены.

Основополагающим принципом западной жизни стала открытость. Это мир *принципиально неэзотерический*. Что, в свою очередь, порождает реальные опасности для самого Запада. Ведь его открытость создает возможность (и соблазн) для других миров воспользоваться достижениями Запада, всеми источниками его силы. Мы видим, как это происходило в прошлом и происходит сейчас. Прежде всего, иные цивилизации заимствовали западные вооружения и военную организацию. Ясно, что в них иные цивилизации стремились обрести средство для собственного торжества: и в противоборстве с Западом, и в осуществлении собственной экспансии.

Радикальной возможности воспрепятствовать этому западный мир не имел, т.к. обрести такую возможность он мог бы только ценой изменения своей природы, непоправимой деформации собственных цивилизационных основ. Вольно или невольно Запад раздирал все, что имеет, и мы видим, с какой лихорадочной интенсивностью идет процесс заимствования западных культурных форм. Казалось бы, столь опрометчивая открытость, плодами которой мир пользуется не меньше двух веков, давно должна была бы привести к историческому поражению Запада, а то и поглощению его иными мирами. Однако этого не произошло, и тому есть две главных причины.

Во-первых, довольно скоро выяснилось, что нельзя эффективно позаимствовать отдельный существенный элемент чужой цивилизации. Чтобы он "сработал" и имел ожидаемую отдачу, необходимо заимствовать и другие элементы жизненного уклада¹. Желая приобрести западную военную силу, иные страны оказались вынуждены для этого внедрять западный образ жизни, соответствующим образом трансформируя основы собственного бытия. А это вело их к интеграции в систему западного мира и делало его влияние существенным фактором их внутренней жизни и устройства. Совершенно противопоставить себя Западу и тем более сокрушить его не оказывалось возможным уже потому, что сами незападные страны оказались вестеризованными. Свой удар против Запада им неминуемо пришлось бы обратить и внутрь себя, подрывая тем самым основу нанесения эффективного удара по Западу. Образуется замкнутый круг: чем успешнее страна усваивает западные достижения, стремясь сделать их средством противостояния Западу и сокрушения его, тем больше она интегрируется в западный мир, сама как будто переходя в лагерь противника или делая себе противника из самой себя. А ограничивая западное влияние, или вовсе его исключая (как, например, известное "закрытие Китая" маньчжурскими императорами), незападные цивилизации лишаются единственно эффективной возможности обрести средство против Запада. Разрыв этого порочного круга возможен лишь в случае, если незападная цивилизация найдет мощное средство в себе самой. Во-вторых, заимствование всегда запаздывает. Благодаря более высокому динамизму развития, Западу все время удавалось опережать другие цивилизации планеты. Едва лишь какой-нибудь из них удавалось перенять и освоить западные формы жизни, достигнув необходимой мощи для противостояния, как Запад оказывался обладателем уже новых, более высоких форм существования и деятельности. А пока "догоняющая сторона" достигала этого нового уровня, Запад успевал "отбежать" еще на некоторое расстояние — совсем как в известной апории Зенона "Ахилл и черепаха". В ней, как известно, быстроногий греческий герой так и не сумел догнать черепаху; как и наделенные всеми мыслимыми достоинствами цивилизации никак не могли догнать этот "растленный", "примитивный", "бездуховный" и вообще какой-то "недочеловеческий" Запад.

Хотя до нынешнего времени эта гонка не закончилась необратимой катастрофой, в самой ситуации заключена огромная опасность для всего человечества. Катастрофа рано или поздно случилась бы, если бы положение радикально не изменило появление ядерного оружия. Вместе с ним в мир вошла война, в которой невозможно победить, а можно только погибнуть. Мысль, что ты при этом уничтожишь врага, является слабым утешением и способна удовлетворить только самоубийцу (что необходимо принять во внимание, ибо в некоторых цивилизациях воля к смерти вполне может возобладать над волей к жизни). Тем самым опасность военной конфронтации существенно уменьшена и даже появился устойчивый шанс избежать "войны миров". Источником традиционной военной агрессии может стать лишь цивилизация-самоубийца; это, к сожалению, вариант, который исключить нельзя. Ход истории определяют не только разум и расчет (хотя бы и жестокий и корыстный), но в не меньшей степени — человеческое безумие. Мировой порядок должен прежде всего предохранять от его проявлений. В этом главное призвание Объединенных Наций.

В идее объединенных наций заключается нечто несоизмеримо большее, чем учреждение очередной пусть и глобальной – международной организации. Ею человечество XX века пыталось и пытается установить мировой политический порядок, создать принцип и правовое поле для отношений существующих на планете государств. Положенный в основу объединенных наций принцип национального суверенитета всецело принадлежит западной политико-правовой парадигме и является сравнительно недавним историческим открытием, пролагавшим себе дорогу вместе со становлением новоевропейской цивилизации. Можно сказать, что принимая принцип национального самоопределения и народного суверенитета, учреждая себя в качестве нации, народы Земли поддаются под культурное влияние Запада более глубоким образом, нежели когда занимают подчиненное положение в системе мирового рынка или устанавливают прозападные политические режимы.

Отчетливое осознание данной ситуации заставляет задуматься о содержательном статусе влияний и заимствований, которые пронизывают жизнь современного человечества. Очевидно, что априорная реакция отторжения, которая абстрактной идее заимствования противопоставляет столь же абстрактную идею культурной самобытности (их состязание на русской почве издавна приняло вид западничества и славянофильства), является весьма архаической и демонстрирует синдром культурэтнической изоляции. Напротив, анализ исторического опыта человечества заставляет признать, что отдельным культурам и цивилизациям удавалось совершить открытия в области социальной или духовной жизни, которые впоследствии приобретали универсальное значение и становились всечеловеческим достоянием. Принцип самоорганизации народа в виде нации, а его жизни – в виде национального бытия, несомненно является одним из таких продуктивных всечеловеческих приобретений. То, что авторство его принадлежит западной цивилизации, менее всего может смущать общество, ищущее плодотворных возможностей своего социального развития.

Что же заключено в идее национального бытия такого, что радикально отличает эту форму самоорганизации конкретного общества от иных, исторически предшествовавших ей? Вопрос этот давно и весьма исчерпывающе прояснен, поэтому мы лишь воспроизведем главные основоположения. Часто о нации говорят как о "форме этической общности". Это так и не так. Нельзя отрицать, что облик наций принимают исторические народы, а основой большинства наций является тот или иной конкретный этнос. Однако смысл *национального бытия* заключается как раз в *радикальном пересмотре* места и значимости этнического в определении человека и организации общества. Нация столь же продолжает историческую жизнь этноса, сколько и отменяет его. Общациональная жизнь предполагает, что верховенство над сугубо этническими качествами бытия людей приобретают (в плане организации общества) социальные, политические и экономические принципы, воплощенные в

правах человека, основных свободах, статусе гражданина, праве частной собственности и предпринимательства и т.д. Нация – это способ преодоления этнической замкнутости и локальности, отмена самодовлеющей значимости чисто этнического принципа консолидации общества. Преобразование этноса в нацию не может совершиться без глубоких социально-политических, правовых и экономических трансформаций в жизни общества, причем общей почвой всех этих перемен является идея народного суверенитета и воплощающая его структура гражданского общества.

В результате пробуждения народов Земли к национальной жизни, вольным и невольным инициатором чего стал Запад, за последние 200 лет возникло всепланетное человечество, ведущим принципом политической организации стало национальное государство. В связи с этим возникает закономерный вопрос: каким может быть мировой политический порядок, если мир политически состоит из национальных государств? Этот вопрос обладает не только общетеоретическим смыслом, но и является исторически злободневным. Последнее связано с тем, что практически весь XX век ведущей формой политической организации мира были *социальные системы* и порожденные ими *политические союзы* государств. Мировой порядок конституировался как состязание, противоборство и соглашение различных социальных систем – прежде всего капиталистической и социалистической. Выражая противостояние систем, образовалось два политических лагеря государств, в отношениях между которыми (лагерями) и протекла большая часть истории XX века.

С крахом капиталистической системы положение радикально изменилось и стал главенствовать принцип национального самоопределения. Идея Объединенных Наций приобрела новый шанс для того, чтобы стать основой мирового политического порядка, укрепить свое право и расширить свои полномочия. Сложилась ситуация, в чем-то напоминающая состояние античной Греции после периода греко-персидских войн. Вся Эллада политически состояла тогда из множества полисов – политически самостоятельных гражданских общин, не совсем точно называемых античными городами-государствами. Изменился масштаб гражданских общин, теперь это – современные нации. Но мир является таким же “многополисным” (если придать полису новое значение – государственности, вырастающей на почве национального самоопределения и воплощающего его гражданского общества).ⁱⁱ В этих условиях человечество приобретает небывалый шанс для дальнейшего конструктивного развития мирового порядка. Основу его реализации, как подсказывает аналогия с античностью, могут составить два главных воздержания: во-первых, воздержание от попыток возрождения разделения мира по принципу противостояния социальных систем; во-вторых, отказ от стремления создания всемирного государства”, т.е. политического объединения мира под преобладающей властью какой-либо страны или группы государств. В первом случае человечество вернется в хорошо знакомую ему и изведенную в своей бесплодности историю противостояния в XX веке, во втором перспективой станет борьба за мировую гегемонию, разрушительные последствия которой нетрудно предвидеть. Лишь прочный порядок конструктивного общения Объединенных наций, построенный на признании суверенитета и прав каждой нации, создание четкого, многостороннего и гибко работающего гласного и негласного кодекса правил и норм сотрудничества национальных государств, обеспечения их автономии и общения, реализации и согласования интересов, откроет перед человечеством перспективу плодотворного развития в наступающем XXI веке.

ⁱ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. – М., 1995. – С.166.

ⁱⁱ Оговоримся только, что оба принципа здесь – и национальное самоопределение, и гражданское общество – отражают не столько *достигнутое* тем или иным социумом состояние, т.е. факт бытия, а служат *регулятивными идеями* социальных и политических усилий власти, обозначают интенции социально-политического развития.